

Савина Ольга Олеговна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологической помощи
и ресоциализации
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

**ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИДЕНТИЧНОСТИ
ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА****Аннотация:**

Статья посвящена темпоральным аспектам идентичности человека в зрелом возрасте, а именно уточнению связи устойчивых во времени компонентов структуры идентичности и отношения к событиям жизни. Представлены результаты авторского исследования, описывающие связь устойчивых во времени образов «я» с событиями прошлого ($p < 0,05$), значимые различия между подгруппами с высокой и низкой устойчивостью представлений о себе в прошлом, настоящем и будущем по наличию травматического опыта. Типология идентичности с точки зрения устойчивости/неустойчивости ее временных характеристик может быть использована в прогнозировании осложненного протекания кризиса идентичности на этапе зрелости, разработке программ психологической помощи и консультирования, организации поддержки и сопровождения ценностно-смысловых трансформаций личности.

Ключевые слова:

идентичность, темпоральность, работа личности, событие жизни, взрослый возраст, травма.

Savina Olga Olegovna

PhD in Psychology,
Assistant Professor,
Department of Psychological Aid
and Resocialization,
Lomonosov Moscow State University

**TEMPORAL
CHARACTERISTICS OF
THE IDENTITY OF AN ADULT****Summary:**

The article is devoted to temporal aspects of human identity in adulthood that is clarifying the connection between time-stable components of the identity structure and attitude to life events. The paper represents the results of the author's research describing the relations between time-stable self-identities and the events of the past ($p < 0.05$). They show the significant differences between subgroups with high and low persistence of self-images in the past, present and future according to presence of traumatic experience. The classification of identity from the point of view of the stability/instability of its temporal characteristics can be used in forecasting the complicated course of the identity crisis at the stage of maturity, developing the programs for psychological assistance and counseling, organizing support for and maintenance of value and semantic transformations of personality.

Keywords:

identity, temporality, personality work, life event, adult stage, trauma.

В контексте социальных изменений российского общества, обусловленных поликультурностью и кризисностью, актуальны исследования, в фокусе которых находится идентичность личности. Идентичность является основанием деятельности, субъектности, в широком смысле обозначает роли и ценности, с которыми человек отождествляет себя, благодаря чему жизнь приобретает цели и смысл. Временные аспекты идентичности представляют особый интерес. Кросс-темпоральность и кросс-ситуативность, или свойство переживать себя тем же, несмотря на временные изменения и пространственные перемещения, являются существенным признаком идентичности. Пионерские исследования Э. Эриксона [1] и его последователей [2] подчеркивали динамичность идентичности на протяжении онтогенеза, рассматривая ее как условие функционирования личности. С точки зрения Эриксона, существуют два временных модуля при формировании личностной идентичности: синхронический (интеграция различных социальных ролей, идентификаций и т. д.) и диахронический («синтез» прошлого, близких и далеких перспектив, их реализации во временную организацию жизненного пути).

Попытки исследования идентичности во временном аспекте осуществлялись в биографическом подходе [3]. Плодотворными являются трактовки идентичности как повествования, истории, которую человек рассказывает о себе. Они развиваются в рамках конструктивных [4] и нарративных подходов [5]. В ряде подходов временные аспекты идентичности анализируются как когнитивные компоненты я-концепции – образы «я» во времени (прошлое «я», настоящее (актуальное) «я», перспективное, будущее «я»), вводится временное измерение идентичности [6], указывается на ее множественный характер [7].

Деятельностно-смысловой подход, предлагая онтологический взгляд на идентичность, обосновывает темпоральность как основание идентичности человека в жизни [8]. Темпоральность как связывание различающихся временных моментов (прошлого, настоящего и будущего) позволяет объяснить интеграцию (синтез) множества самоидентичностей человека в единство.

Связывание-различение осуществляется в темпоральной работе личности – отношении личности к собственному бытию в «событии с другими» посредством соотнесения, коммуникативности, смысловой интенциональности.

Заметим, что в современной науке проблема темпоральной идентичности остается до конца не изученной: отсутствует терминологический аппарат по данной проблеме, слабо исследованы особенности идентичности людей на наиболее ответственных этапах их личностного становления. Разработка проблематики идентичности наиболее плодотворно ведется в отношении возраста взросления. Исследования взрослого человека в большей мере касаются аспектов его профессиональной, семейной идентичности, в меньшей – персональной в период зрелости. Эго-идентичность рассматривается как опосредствующий фактор для развития зрелости личности, предполагающей способность к самоорганизации, интеграцию смыслов, ценностей на данном этапе жизни [9]. Развитие идентичности и, соответственно, личностной зрелости связано с нормативными кризисами, происходит неравномерно, изменяются статусы идентичности, личность может вернуться в статус диффузной, предрешенной идентичности, в состояние моратория и обрести статус зрелости [10]. Вместе с тем многообразие принципов и подходов к взрослому периоду вообще и кризисам развития в частности свидетельствует о недостаточности понимания природы, механизмов и закономерностей идентичности и необходимости дальнейшего движения в этом направлении. Л.И. Анцыферова, анализируя развитие человека в период взрослости, выделяла стремление «интегрировать свое прошлое, настоящее и будущее, понять связи между событиями собственной жизни» [11, с. 34].

Современные взрослые в России (в работе речь идет не о всем периоде, а лишь о возрасте, который относят к кризису середины жизни и зрелости) – категория, определяющая активную часть общества, поэтому ее проблемы и трудности закономерно представляют интерес для психологической науки, особенно в области психологической помощи. Проблемное поле исследования – темпоральные аспекты идентичности человека в зрелом возрасте. Цель статьи состоит в уточнении временных компонентов структуры идентичности, дальнейшем углублении научных представлений о взаимосвязях между различными темпоральными аспектами, относящимися к личности: возрастом, этапами жизненного пути.

В исследовании эмпирической проверке подверглись предположения о связи идентичности с устойчивостью представлений о своем «я» во времени и событийной насыщенностью прошлого, настоящего и будущего. Частной задачей являлось доказательство связи идентичности с травматическим опытом, пережитым индивидом. **Выборка** – 46 респондентов 38–56 лет (20 мужчин, 26 женщин), средний возраст – 42,4 года. Выбор возрастных рамок объяснялся тем, что сложившаяся идентичность в возрасте зрелости претерпевает изменения, связанные, с одной стороны, с достижением стабильности в социальном плане (семья, работа, образование), с другой – с кризисными процессами, тревогой перед будущим, пересмотром жизненных целей, неудовлетворенностью, потребностью самоопределения в иных сферах. Нас интересовала та внутренняя работа, которую осуществляет личность, чтобы заново обрести себя, в частности выявить отношение к временным этапам собственной жизни, произвести самоопределение на данном этапе становления самоидентичности.

Методики исследования

1. Глубинное интервью с количественно-качественным анализом, которое включало вопросы относительно особенностей семейной, профессиональной ситуации, здоровья, удовлетворенности материальным благополучием, социально-экономическим положением. В глубинное интервью была включена полуструктурированная часть (на основе методики [12]) для выявления осмысленности и эмоциональной оценки различных временных периодов жизни респондентов. Нас интересовало также наличие критических периодов или моментов (когда представления о себе изменялись либо человек чувствовал собственные изменения и изменения отношения окружающих).

2. Для изучения темпоральных характеристик идентичности был применен нестандартизованный самоотчет на основе известного теста «Кто “я”» М. Куна и П. МакПартленда (респонденты дополнительно отмечали связь самоописаний с прошлым и будущим, наличие кросс-темпоральных (относящихся к прошлому, настоящему и будущему) качеств, стабильность/ситуативность и ориентацию во времени).

3. Оценка уровня самоактуализации личности Э. Шострома (обработке подвергалась шкала ориентации во времени [13]). Анализ данных осуществлялся с помощью коэффициента корреляции Пирсона (r), TTEST (t -критерия Стьюдента).

Результаты

Анализ временных аспектов идентичности проводился по результатам оценок испытуемых в отношении временной принадлежности самописательных характеристик, а также событийной насыщенности и эмоционального отношения к прошлому, настоящему и будущему (табл. 1).

Таблица 1 – Выраженность временных характеристик идентичности

Показатели	X среднее по выборке (n = 46)	r между устойчивостью представлений о себе во времени и другими показателями	p-level
Я-прошлое	11,5	0,857	0,01
Устойчивое «я»	9,8	–	–
Я-будущее	16,6	0,685	0,01
Количество событий	8,8	0,013	–
Положительные события	5,4	–0,146	–
События в прошлом	6,1	0,126	–
Травматические события	2,8	0,389	0,05
Ориентация во времени	7,6	0,108	–

Показатели шкалы ориентации во времени, которая предполагает значимость для респондентов связи прошлого, настоящего и будущего, по всей выборке являются высокими. Имеется в виду отсутствие неадекватности чувств, идущих из прошлого (вины, обиды, сожалений); связь надежд с настоящим; соотношение прошлого, будущего с настоящим; связь целей с текущей деятельностью; рассмотрение прошлого опыта как ценности, имеющей позитивный характер и влияющей на актуальное поведение.

В целом по выборке количество характеристик и качеств, относимых к будущему, несколько превышает число характеристик, приписываемых прошлому, что свидетельствует об обращенности исследуемой группы в будущее, перспективу, об оптимистической установке, присущей зрелой личности. Наличие кросс-темпоральных характеристик позволяет фиксировать наличие устойчивого я-образа. Испытуемые и в будущем видят у себя наличие определенных негативных характеристик. Возможно, это свидетельствует об осмыслении и принятии собственной индивидуальности. Показатель соотношения событий жизни в настоящем – прошлом – будущем свидетельствует, на наш взгляд, о ценности и смысловой наполненности временных периодов жизни. Период прошлого насыщен большим количеством событий, чем настоящее и будущее. Отмечается преобладание позитивных оценок данного периода. Причем характерно именно не безразличие, а отношение к нему как к счастливому, но трудному периоду жизни. Представляет интерес анализ связи устойчивости временных характеристик идентичности с событиями жизни, которые респонденты характеризовали как экстремальные, травматические, стрессовые ($r = 0,389$, $p < 0,05$).

По медианному критерию выборка была разделена на подгруппы с низкими (до и включая 9) и высокими (выше 9) значениями по показателю устойчивости временных представлений образа «я» (табл. 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ различий по t-критерию Стьюдента показателей временных характеристик идентичности двух типов:**1 – с представлениями об устойчивости во времени образов «я»****и 2 – с представлениями о неустойчивости во времени образов «я»**

Показатели	Идентичность с неустойчивым «я» во времени (n ₁ = 21)	Идентичность с устойчивым «я» во времени (n ₂ = 25)	T-TEST p-level
Я-прошлое	9,2	14,3	0,001
Устойчивое «я»	6,7	13,5	–
Я-будущее	14,9	18,6	0,007
Количество событий	8,0	9,6	0,470
Положительные события	5,5	5,4	0,928
События в прошлом	5,5	6,8	0,383
Травматические события	2,0	3,6	0,042
Ориентация во времени	8,0	7,4	0,407

Для проверки гипотезы о связи временных характеристик идентичности с осмыслением временных этапов жизни подгруппы сравнивались попарно для определения различий. Не было обнаружено значимых различий между двумя подгруппами в отношении половозрастных характеристик, ориентации во времени. Значимые различия между подгруппами были обнаружены по показателям, связанным с образом «я» (что не нуждается в объяснении, поскольку они связаны с группирующей переменной). Для подгруппы с устойчивой во времени идентичностью характерно больше характеристик, относимых к прошлому и будущему, чем в группе с неустойчивой во времени идентичностью.

Важным результатом является обнаружение значимых различий по отмечаемым в опыте травматическим событиям. В группе с устойчивой идентичностью испытуемые отмечают больше подобных событий (по числу вспоминаемых событий различий между группами не обнаружено).

Испытуемые указывали на пережитые болезни, смерть близких людей, прежде всего родителей, братьев или сестер, близких друзей, неудачные роды. Особое место в перечне событий травматического плана занимают разводы и расставания с близкими людьми, особенно возлюбленными. Представлена также категория событий, связанная с переездами – в другой город или страну. Полученные данные согласуются с работами [14], в которых показано, что наиболее экстремальными событиями для индивида являются утрата (смерть, расставание с близким человеком), особенно имеющая характер неожиданного события (в этом случае речь идет о травматической утрате).

Травматические события могут нарушить планы человека и изменить его жизнь в непредсказуемых направлениях. Травматическое переживание может нарушить чувство собственной идентичности, а личность человека может повлиять на то, как человек воспринимает произошедшее и восстанавливается после травмы. Травма может рассматриваться как поворотный момент в жизни, ориентир относительно будущего, а также занять центральное место в идентичности [15]. Взгляды на себя с точки зрения проявления эффективности в экстремальном событии могут помочь человеку примириться с этим событием, быть активным в восстановлении, способствовать мудрости, стойкости, посттравматическому росту личности. В то же время негативный взгляд на себя препятствует восстановлению. Человеку также чрезвычайно важна поддержка, она помогает выжить, преодолеть тяжелейшие заболевания, обеспечивает личностный рост [16].

Качественный анализ глубинного интервью показывает, что для испытуемых как с устойчивыми, так и в большей мере с неустойчивыми представлениями о своем «я» во времени характерны переосмысление жизненных целей, внесение коррекции во все области привычного существования, приведение личности в соответствие с изменившимися условиями жизни. В зрелом возрасте особое значение приобретает тема небытия, смерти. Она не только воспринимается как невозполнимая утрата, но заставляет задуматься о конечности жизненного пути, что наполняет духовную жизнь человека новым содержанием, приводит к переосмысливанию и переоценке предшествующей жизни, трансформации ценностно-смысловой структуры. В качестве примера приведем историю, которая была отнесена одним из испытуемых к значимым событиям жизни. N (43 года) рассказал, как он испугался за себя и свою жизнь, когда у одного из его друзей в возрасте 45 лет случился сердечный приступ: «...Да я, когда узнал, просто обомлел. Думал, что это где-то там, далеко, что это только по телевизору показывают, а со мной – нет, этого никогда не случится ни со мной, ни с моими друзьями. И тут как ушат с холодной водой! ...Лечу туда, в больницу..., вижу, в каком он состоянии, какой он непохожий на себя... Я приехал домой, – поздно уже было, все мои спали, – и вдруг подумал, что если вот я сейчас стою, а через секунду – бац! – и нет меня, и что? ...Да, меня это потрясло, очень».

Итак, в подобной ситуации человек может перейти к поиску новой тождественности – найти себе и своему «я» место, выработать соответствующие форму поведения и способ деятельности. Переживаемое время измеряется смыслами. Исследование временной перспективы в экстремальной ситуации, предпринятые с позиций данного подхода, свидетельствуют, что идентичность личности нельзя рассматривать вне опыта [17]. В свою очередь, опыт личности, определяясь смыслами, не есть застывшее образование памяти, он производится, конструируется как темпоральный опыт посредством работы личности. У людей с экстремальным опытом соотношение темпоральных составляющих временной перспективы характеризуется большей полнотой, чем у людей без подобного опыта.

Становление идентичности личности есть достижение стабильности, упорядоченности, уверенности и самооценности. Временное измерение указывает на особенности существования субъекта в плане субъективного времени личности, его истории, соотношения прошлого, настоящего и будущего планов существования. Рассматривая признаки идентичности как устойчивые в представлениях человека во времени (сохраняющиеся в прошлом, настоящем и ожидаемые в будущем), мы предприняли попытку оценить временные этапы жизненного пути у взрослых людей. Обнаружены два варианта самокатегоризаций с точки зрения характеристик «я» во времени: устойчивый подтип (испытуемые в большей мере ощущают постоянство своих ролей, качеств, свойств, отношений во временном плане) и неустойчивый подтип (испытуемые указывают на различие «я» в прошлом, настоящем и будущем). Установлена связь данных подтипов с переживанием личностью событий травматического плана. Исследования опыта и идентичности показывают, что как травма может влиять на идентичность, так и идентичность опосредствует восприятие и понимание травмы.

Более углубленные исследования взаимосвязи между травмой и временными характеристиками идентичности имеют потенциал для организации психологической помощи, включающей усилия по профилактике и интервенциям, направленным на снижение негативных последствий травматического воздействия и увеличение положительных эффектов роста, которые могут также исходить из такого опыта.

Ссылки:

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
2. Marcia J.E. Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / ed. by J. Adelson. N. Y., 1980. P. 213–231 ; Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: a contemporary statement // *Developmental Review*. 1999. Vol. 19, no. 4. P. 591–621.
3. Fischer-Rosenthal W. The problems with identity: biography as solution to (post)modernist dilemmas // *Comenius*. 1995. No. 3. S. 250–266.
4. Gergen K.J. The self as social construction // *Psychological Studies*. 2011. Vol. 56, iss. 1. P. 108–116. <https://doi.org/10.1007/s12646-011-0066-1>.
5. Identity and story: creating self in narrative / ed. by D.P. McAdams, R. Josselson, A. Lieblich. Washington D.C., 2006.
6. Breakwell G.M., Lyons E. Changing European identities: social psychological analyses of social change. Boston, 1996. 440 p.
7. Markus H., Nurius P. Possible selves: the interface between motivation and the self-concept // *Self and identity: psychosocial perspectives* / eds. K. Yardley, T. Honess. N. Y., 1987. P. 157–172.
8. Магомед-Эминов М.Ш. Темпоральность деятельности // *Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития России в условиях преодоления глобального кризиса : материалы II межрегион. науч.-практ. конф. (Москва, 11–13 нояб. 2010 г.)*. Кн. 2. М., 2010. С. 127–131.
9. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // *Вестник Южно-Уральского университета. Серия «Психология»*. 2010. № 27. С. 66–74.
10. Waterman A.S. Op. cit.
11. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2004.
12. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций : учеб. пособие. М., 1998.
13. Психология здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2006. 607 с.
14. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 54 с. ; Харламенкова Н.Е. Переживание утраты в пожилом возрасте // *Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы* / отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М., 2016. С. 169–192.
15. Experimentally examining the role of self-identity in posttraumatic stress disorder / A.D. Brown, N.A. Kouri, A. Joscelyne, C.R. Marmar, R.A. Bryant // *Clinical perspectives on autobiographical memory* / ed. by L.A. Watson, D. Berntsen. N. Y., 2015. P. 291–315.
16. Berman S.L. Identity and trauma // *Journal of Traumatic Stress Disorders and Treatment*. 2016. Vol. 5, no. 2. <https://doi.org/10.4172/2324-8947.1000e108>.
17. Квасова О.Г. Временная перспектива в экстремальной ситуации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 24 с.

References:

- Antsyferova, LI 2004, *Personality development and problems of gerontopsychology*, Moscow, (in Russian).
- Berman, SL 2016, 'Identity and trauma', *Journal of Traumatic Stress Disorders and Treatment*, vol. 5, no. 2, <https://doi.org/10.4172/2324-8947.1000e108>.
- Breakwell, GM & Lyons, E 1996, *Changing European identities: social psychological analyses of social change*, Boston, 440 p.
- Brown, AD, Kouri, NA, Joscelyne, A, Marmar, CR, Bryant, RA, Watson, LA & Berntsen, D (eds.) 2015, 'Experimentally examining the role of self-identity in posttraumatic stress disorder', *Clinical perspectives on autobiographical memory*, New York, pp. 291–315, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139626767.016>.
- Burlachuk, LF & Korzhova, EYu 1998, *Psychology of life situations*, study guide, Moscow, (in Russian).
- Erikson, E 1996, *Identity: youth and crisis*, Moscow, 344 p., (in Russian).
- Fischer-Rosenthal, W 1995, 'The problems with identity: biography as solution to (post)modernist dilemmas', *Comenius*, no. 3, pp. 250–266.
- Gergen, KJ 2011, 'The self as social construction', *Psychological Studies*, vol. 56, iss. 1, pp. 108–116, <https://doi.org/10.1007/s12646-011-0066-1>.
- Kharlamenkova, NE, Volovikova, MI, Zhuravlev, AL & Kharlamenkova, NE (eds.) 2016, 'Experience of loss in old age', *Psikhologicheskkiye issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy*, Moscow, pp. 169–192, (in Russian).
- Kvasova, OG 2013, *Temporary perspective in an extreme situation*, PhD in Psychology thesis abstract, Moscow, 24 p., (in Russian).
- Magomed-Eminov, MSh 2009, *The activity and semantic approach to the psychological transformation of personality*, D.Phil. in Psychology thesis abstract, Moscow, 54 p., (in Russian).
- Magomed-Eminov, MSh 2010, 'Temporality of activity', *Prikladnaya psikhologiya kak resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh preodoleniya global'nogo krizisa: materialy II mezhhregion. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 11–13 noyab. 2010 g.)*, Book 2, Moscow, pp. 127–131, (in Russian).
- Marcia, JE & Adelson, J 1980, 'Identity in adolescence', *Handbook of adolescent psychology*, New York, pp. 213–231.
- Markus, H, Nurius, P, Yardley, K & Honess, T (eds.) 1987, 'Possible selves: the interface between motivation and the self-concept', *Self and identity: psychosocial perspectives*, New York, pp. 157–172.
- McAdams, DP, Josselson, R & Lieblich, A (eds.) 2006, *Identity and story: creating self in narrative*, Washington D.C.
- Nikiforov, SG (ed.) 2006, *Psychology of health*, St.-Petersburg, 607 p., (in Russian).
- Soldatova, EL & Shlyapnikova, IA 2010, 'Ego-identity as a system-forming factor of the formation of personal maturity', *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"*, no. 27, pp. 66–74, (in Russian).
- Waterman, AS 1999, 'Identity, the identity statuses, and identity status development: a contemporary statement', *Developmental Review*, vol. 19, no. 4, pp. 591–621, <https://doi.org/10.1006/drev.1999.0493>.